

22 декабря 1991 года. Хогвартс**10:04 утра.** Последняя неделя первого семестра казалась Гарри самой холодной из всех, что он пережил в Хогвартсе. Буквально на прошлой неделе замок проснулся, укутанный пушистым снежным покрывалом, которое никак не желало таять. Снег неумолимо наступал, предвещая ледяную шотландскую зиму, о которой первокурсников предупреждали с самого начала их обучения. Наблюдая за Дафной и Трейси, отправляющимися на вокзал, чтобы вернуться домой, Гарри впервые по-настоящему ощутил холод и тоску зимы. Четыре месяца назад, если бы кто-то спросил его о дружбе, о людях, которым он мог бы доверять, он бы просто рассмеялся, отбросив эту идею. Сейчас же у него было не просто два друга, а два настоящих друга. Правда, отношения с Дафной казались более личными, возможно, из-за того, что он открылся ей несколько месяцев назад. Он до сих пор не знал, что делать с этой слабостью, с этой откровенностью. Смелости повторить тот метафорический прыжок не было, и он не думал, что она появится в ближайшее время. Теперь, когда Трейси и Дафны не было рядом, Гарри чувствовал странную пустоту. Но это чувство быстро улетучилось, как только он осознал, что теперь замок, его тайны и знания, полностью в его распоряжении, как никогда раньше. При этой мысли он широко улыбнулся. Погруженный в свои мысли, он не заметил приближения другой фигуры, пока ее прохладная рука не сомкнулась на его запястье. Он вздрогнул и обернулся, едва не выругавшись вслух, увидев расчетливый взгляд Паркинсон. — Паркинсон? — прошептал он. — Не стоит так нервничать, Поттер, — ответила она, не говоря больше ни слова, и кивнула в сторону ближайшего заброшенного класса. Только когда они вдвоем вошли в комнату, она повернулась к нему, глаза ее блеснули. — Теренс Хиггс, — сказала она без предисловий, — встретил свой конец в пасти трехголового пса за дверью, отгораживающей коридор третьего этажа. Очевидно, он пытался выяснить, что там находится. — Она мило улыбнулась его ошеломленному выражению лица. — Хороших вам каникул. **22 декабря 1991 года. Замок Забини.***6:44 вечера.** За все годы практики, а ее у него было немало, Блейз Забини так и не смог привыкнуть к ощущению международных путешествий с помощью портключа. Летучий порошок был тошнотворным, но, по его опыту, мало что могло сравниться с пересадкой из Лондона на побережье Италии. Он приземлился так же грациозно, как и всегда, но его мозг словно пропустили через блендер. Он несколько раз моргнул, прежде чем перед ним предстала великолепная прихожая его пятисотлетнего семейного дома. После стольких месяцев отсутствия на его губах заиграла редкая улыбка. Блейз не любил проявлять эмоции на публике. С ранних лет его учили тонкостям политики, манипуляций и предательства. Одно послание было для него превыше всего - то, что его мать не только проповедовала, но и практиковала:— Эмоции - опасная штука, mio caro. Они могут стать прекрасным оружием или самым жестоким способом покончить с собой. Все дело в контроле. Правильный контроль означает, что они принадлежат вам, а не другим, чтобы использовать их против вас. — Это было столь же параноидальное заявление, как и типичное для его матери, но Блейз все равно не смог удержаться от мягкой улыбки при воспоминании о нем. Он подумал, что если бы его мать знала, как хорошо он придерживался плана на этот семестр в Хогвартсе, она бы очень гордилась им. Или, по крайней мере, насколько может быть горда та, кто подавляет почти все свои эмоции. В этом заключалась разница между Блейзом и его матерью, которую он осознал в возрасте девяти лет. Если он использовал Окклюменцию и общий эмоциональный контроль, чтобы скрыть свои истинные мысли и эмоции, то его мать использовала их для подавления. Это было методично и навязчиво, граничило с социопатией, насколько черствой была его мать, когда дело касалось человеческих эмоций. — Это всего лишь отвлекающий маневр. Главное - это наша судьба, mio caro. Важна судьба Забини, а не то, что думают по этому поводу Забини. — Блейз был совершенно не согласен с этим утверждением. Он всегда считал, что исполнение судьбы бессмысленно без эмоций. Конечно, он понимал значение этой судьбы и то, почему он, как и его мать, бабушка и дедушка, а также все те, кто был до них, должны были стремиться к ней, но без эмоций нет награды. А без награды жизнь была бессмысленна. Несмотря на все разговоры матери о судьбе, Блейзу нравились эмоции, путешествие нравилось ему не меньше,

а даже больше, чем наследие. От глубоких философских размышлений его отвлек один из многочисленных домовых эльфов, ворвавшийся в комнату. — Мастер Блез дома! — радостно сообщил он, и Блез одарил существо своей самой теплой, самой мягкой, самой фирменной улыбкой. — Как хорошо быть дома, Сесиль. — — Сесиль отнесет вещи хозяина Блеза в его комнату, если хозяин не возражает. — Блез покачал головой в знак того, что у него нет возражений. — Графиня Антония желает видеть хозяина Блеза в гостиной на втором этаже, ближайшей к прихожей, сэр. — Блез кивнул. — Спасибо, Сесиль. Я сейчас же приду к ней. — Верный своему слову, Блез отыскал указанную комнату и нашел глазами свою мать, которая медленно перевернула страницу книги, которую читала, чтобы поднять глаза и встретить взгляд Блеза с теплой улыбкой. — Ах, мио каро. Надеюсь, ты не забыл, как говорить на языке, на котором тебя воспитывали? — Она обратилась к Блезу не по-английски, а по-итальянски, и он быстро ответил ей взаимностью. — Не будьте глупцом, мама. Я бы никогда не поступил так легкомысленно. — Глаза его матери засияли. — Надеюсь, что это не так, как и то, что ты перенес это отношение на первый семестр обучения в Хогвартсе. — — Да, мама. — — Что ж, тогда я позволю тебе добавить свои наблюдения о потенциальном кусочке головоломки, на котором мы остановились летом. —

<http://erolate.org/book/3476/325750>